

A highly detailed oil painting of a man's face, rendered in a dramatic, almost expressionistic style. The man has dark, curly hair, a full beard, and intense, light-colored eyes. His face shows signs of trauma: a large, raised, reddish-brown bump on his forehead, a small cut on his left cheek, and a visible wound on his chin. He is wearing a dark, textured garment. The background is dark and indistinct, emphasizing the subject's face.

Альтер М.

Портрет неизвестного

Альтер М.

Портрет неизвестного

«Автор»

2026

М. А.

Портрет неизвестного / А. М. — «Автор», 2026

Художник Алексей Белов, измученный чувством вины и творческим бесплодием, принимает заказ от таинственного миллиардера: написать серию портретов, не видя натуры. Заказчик скрыт за ширмой, но его голос звучит из темноты, проникая в душу. Когда последняя картина готова, ширма падает — художник видит собственное лицо, состаренное на тридцать лет. «Ты уже написал меня. Теперь я напишу тебя. У тебя осталось три дня». Чтобы выжить, Алексею предстоит разгадать тайну древнего проклятия, уходящего корнями в XVII век. Психологический триллер о природе творчества, вины и искупления, где кисть становится орудием битвы за душу.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Голос, облекающий плоть в тишину	5
Глава 2. Первый мазок на изнанке век	13
Глава 3. Пепел вчерашнего счастья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Альтер М.

Портрет неизвестного

Глава 1. Голос, облекающий плоть в тишину

Дождь начался внезапно, словно само небо решило обрушить на город всю накопленную за душное лето сырость в один миг. Косые струи хлестали по тротуарной плитке, разбиваясь о нее с тихим, но настойчивым шипением, превращая улицы в мутные реки, несущие сорванные листья и отражения фонарей. Алексей стоял у окна своей мастерской, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как вода заливает мир снаружи, делая его размытым, нереальным, похожим на неудавшийся акварельный набросок. В такие моменты реальность теряла четкие грани, и это было созвучно его внутреннему состоянию — ощущению, что он сам постепенно размывается, теряет контуры, становится лишь тенью того художника, которым когда-то мечтал стать.

Мастерская, пропахшая скипидаром, льняным маслом и застарелой пылью, была его убежищем и его тюрьмой. Высокие потолки, когда-то пленявшие обилием воздуха и света, теперь давили, казались сводами склепа, где были погребены его нереализованные амбиции. Холсты, повернутые к стене, напоминали надгробия. Те, что стояли на мольбертах, были не лучше — заказные портреты, лишенные души, написанные механически точно, но без искры. Лица чиновников, их жен, чьи жеманные улыбки он научился воспроизводить с фотографической точностью, пресыщенных наследников, желавших видеть себя в образе античных героев. Он давал им то, что они хотели, — лесть, застывшую в масле, и с каждым таким заказом чувствовал, как что-то важное, живое умирает в нем самом. Некогда он верил, что кисть — продолжение его души, что через живопись он сможет говорить с миром о самом сокровенном. Теперь кисть стала всего лишь инструментом, продолжением банковского счета, который неумолимо таял, подтачиваемый долгами и воспоминаниями о несбывшемся.

Телефонный звонок разорвал тишину, пропитанную шелестом дождя, резко и требовательно. Алексей вздрогнул, отлепился от окна и, поеживаясь от холода, подошел к заляпанному краской столу, где среди тюбиков и кистей вибрировал старый смартфон. Номер был незнакомым — длинная цепочка цифр, не принадлежавшая ни одному из городских операторов. Поколебавшись секунду, он нажал «принять».

Голос в трубке был странным. Он не был низким или высоким, молодым или старым. Он был никаким — и в то же время наполненным до краев спокойной, уверенной силой. Этот голос не просил, не предлагал, он сообщал, словно зачитывал давно известный обоим абзац из некоего негласного договора.

— Алексей Андреевич Белов? Художник-портретист.

Это не было вопросом. Утверждение, лишённое интонации любопытства. Так говорят с фактами, с вещами, местоположение которых хорошо известно. Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к сквозняку из оконной рамы.

— Да, я слушаю, — ответил он, стараясь придать своему тону нейтральность, которая, впрочем, тут же показалась ему самому фальшивой.

— Мой доверитель желает сделать вам заказ. Серия картин. Тема — портрет. Условия и оплата обговариваются при личной встрече. Машина будет ожидать вас завтра в девять утра у подъезда вашего дома. Адрес нам известен. Прошу вас не опаздывать. Мой доверитель не переносит непунктуальности.

— Пойдите, — Алексей почувствовал раздражение, смешанное с тревогой. — Что за доверитель? О какой серии речь? Я не берусь за работу, не зная хотя бы приблизительного объема и... Я не привык, чтобы мне назначали встречи, не спросив моего согласия.

— Ваше согласие, Алексей Андреевич, дело решенное, — в бесплотном голосе, казалось, проскользнула тень усмешки, настолько мимолетная, что он не был уверен, не померещилось ли ему. — Сумма вознаграждения, которую вы услышите, снимет все ваши возражения. Уверяю вас. Всего доброго.

В трубке раздались короткие гудки. Алексей так и остался стоять посреди мастерской с телефоном в руке, глядя на залитое дождем окно, по стеклу которого теперь стекали уже не только капли, но и дорожки тревоги. Он знал, что поедет. Не из любопытства, не из гордости. Из безысходности, тонкой, как паутина, но прочной, как стальной трос. Долги, неоплаченные счета, необходимость покупать дорогие лекарства — все это сжималось вокруг него удушающим кольцом, и этот звонок, каким бы зловещим он ни казался, был шансом. Возможно, последним.

Утро следующего дня выдалось стерильно-чистым, словно дождь вымыл из мира не только пыль, но и все краски. Солнце светило ярко, но без тепла, как на переэкспонированной фотографии. Ровно в девять у входа в его старую пятиэтажку, тихо урча двигателем, стоял автомобиль. Он был черным, тяжеловесным, идеально отполированным, и в его формах не было ни грамма легкомыслия. Это была машина-сейф, машина-крепость, отрезанная от внешнего мира тонированными стеклами. Задняя дверца распахнулась сама собой, словно приглашая в пасть зверя. Алексей, сжимая в руке небольшой портфель с альбомом и карандашами — привычка, от которой он не мог отказаться, — сел в прохладный кожаный салон.

За рулем сидел человек, которого язык не поворачивался назвать просто водителем. Скорее, это был цербер, страж порога. Широкие плечи, обтянутые дорогой темной тканью, бритый затылок, переходящий в мощную шею, взгляд в зеркале заднего вида — спокойный, оценивающий, лишенный всякого выражения. Он не проронил ни слова за всю дорогу. Лишь один раз, не оборачиваясь, протянул Алексею плотный черный шарф, сложенный в несколько раз.

— Что это? — спросил Алексей, беря ткань. Она была мягкой, невесомой, но абсолютно непрозрачной.

— Завяжите глаза, — произнес водитель. Голос у него оказался неожиданно глухим, словно он говорил из-под толщи воды. — Таковы правила.

Возражать было бессмысленно. Алексей, чувствуя себя последним глупцом, согласившимся на сомнительную авантюру, подчинился. Мир погас. Остались только звуки: ровный гул мотора, редкие гудки других машин, которые становились все тише по мере того, как они, судя по всему, покидали город, шорох шин, сменившийся хрустом гравия. Сколько они ехали — час, два? — он не мог определить. Время в темноте течет иначе, оно становится вязким и непредсказуемым. Пару раз Алексей порывался заговорить, спросить хоть что-то, но глухая стена молчания, исходившая от водителя, была столь ощутимой, что слова застревали в гортани.

Наконец, машина плавно остановилась. Двигатель затих. Послышался звук открывающейся двери, и чья-то крепкая рука взяла его за локоть, помогая выбраться наружу. Под ногами захрустел все тот же гравий. Воздух был иным — густым, влажным, напоенным запахом хвои и прелых листьев. Где-то в вышине, судя по звуку, ветер играл с кронами высоких деревьев. Они находились в лесу, вдали от города.

— Можете снять, — произнес все тот же глухой голос.

Алексей стянул шарф и зажмурился от яркого, хоть и рассеянного кронами, света. Перед ним стоял особняк. Или, вернее, то, что этим словом пыталось притвориться. Архитектура здания была странной, почти провокационной в своей несочетаемости. Массивный каменный цоколь, переходящий в стены из темного, почти черного дерева, асимметричные остроконечные башни, напоминающие готические шпили, соседствовали с огромными, почти во всю

стену, окнами из матового стекла, за которыми угадывалось лишь смутное свечение. Здание не выглядело старым, но от него веяло такой вековой тяжестью, такой устоявшейся, вросшей в землю силой, что казалось, оно стояло здесь задолго до того, как появились первые деревья этого леса.

Цербер-водитель молча указал на высокую, обитую металлом дверь и, развернувшись, сел обратно в машину. Помощи ждать не приходилось. Алексей глубоко вздохнул, поправил портфель и направился ко входу. Дверь, словно почувствовав его приближение, бесшумно отворилась внутрь. Перешагнув порог, он оказался в пространстве, которое полностью вытеснило из памяти образ наружного леса.

Это был холл. Но не тот безликий, стерильный атриум дорогих отелей. Это было место, обставленное с мрачной, музейной роскошью. Стены, задрапированные тканями глубокого бордового цвета, поглощали свет немногочисленных ламп, отчего помещение тонуло в теплом, почти осязаемом полумраке. Пол из темного мрамора с белыми, похожими на застывшие всполохи молний, прожилками, был отполирован до зеркального блеска. В глубоких нишах на постаментах стояли античные бюсты — из белого мрамора, с пустыми глазницами, смотрящими в вечность. Их немое присутствие давило на плечи, заставляя съеживаться, ощущать себя незваным гостем в обители неведомых, равнодушных богов. В центре холла, от пола и почти до потолка, возвышалась странная конструкция — массивная ширма из цельного черного дерева, покрытая искусной, но пугающей резьбой. Отсюда невозможно было разглядеть, что за ней, но она, несомненно, была сердцем этого дома, его алтарем, скрывающим главное божество.

— Вы точны. Это похвально.

Голос раздался откуда-то из-за ширмы. Тот самый голос. Никакой. Всепроникающий. Он не был громким, но резонировал в пространстве, проникая, казалось, в каждую клеточку тела, заставляя вибрировать кости. Алексей вздрогнул и невольно сделал шаг назад, но остановил себя усилием воли.

— Прошу меня простить за столь... эксцентричные меры предосторожности, — продолжал голос. В нем не было и тени извинения, скорее, констатация факта, продиктованного не необходимостью, а прихотью. — Мое имя не имеет значения. Можете называть меня Заказчиком, а можете — как вам будет угодно. Я тот, кто желает, чтобы вы написали мой портрет. Точнее, серию портретов.

— Я догадался, — ответил Алексей, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. Он смотрел на ширму, пытаясь разглядеть за ней хоть какой-то силуэт, хоть тень движения. Тщетно. Черное дерево, подсвеченное сзади тусклым, желтоватым светом, оставалось непроницаемым, как сама тайна. — Но я привык видеть натуру. Это... сложный для меня формат работы.

— Ваш профессионализм, Алексей Андреевич, широко известен в узких кругах. И я выбрал вас именно из-за вашего уникального дара. Вы умеете увидеть душу, скрытую за плотью. Глаза для вас — не главное. Разве не так? Я глубоко изучил ваш ранний период творчества. Ваш «Автопортрет в сумерках», ваша «Девушка с зашитым ртом»... Там, за внешней оболочкой, пульсирует такая бездна, которую редкий мастер способен уловить и перенести на холст. Я хочу, чтобы вы написали не мое лицо. Я хочу, чтобы вы написали мою суть. То, что скрыто за лицом. То, что я сам хочу увидеть вашими глазами.

Слова Заказчика падали, как тяжелые камни в стоячую воду, расходясь кругами беспокойства в душе Алексея. Он редко вспоминал свои ранние работы. Тот период был наполнен болью, голодом, безумной, всежигающей одержимостью. Он писал тогда не на продажу, он выплескивал на холст собственные демоны, и они получались живыми, страшными в своей обнаженной правдивости. Откуда этот человек мог знать о них? Те картины видели единицы, они никогда не выставлялись в галереях. Одна, «Девушка с зашитым ртом», и вовсе пропала много лет назад, украденная из его первой, дешевой мастерской.

— Откуда вам известно о тех работах? — спросил он, и на этот раз его голос предательски дрогнул.

— Я знаю о вас все, что имеет значение, — последовал ответ. — Мои возможности, Алексей Андреевич, значительно шире, чем вы можете себе представить. И мои предложения всегда конкретны. Я предлагаю вам контракт. Вы будете приезжать сюда в любое удобное для вас время. Вам будет предоставлена лучшая мастерская, лучшие материалы. Все это, — голос сделал микроскопическую, но ощутимую паузу, — за ширмой. Вы будете писать меня, слушая мой голос, наблюдая за тенями, которые я буду создавать, ощущая мое присутствие. И вы напишете не лицо, а портрет моей личности. Двенадцать картин. Двенадцать граней. Двенадцать моих состояний. Плата — один миллион долларов за каждую завершенную работу.

Цифра повисла в воздухе, ударив Алексея сильнее, чем любое физическое воздействие. Двенадцать миллионов. Это было не просто богатство. Это была свобода. Абсолютная свобода от долгов, от необходимости унижаться перед толстосумами, вымаливая заказы на их уродливые парадные портреты. Это была возможность навсегда закрыть эту проклятую мастерскую, уехать в Италию, к свету, дышать, начать писать для себя, воскресить того, прежнего Алексея, который умер, задавленный нуждой. Перед его мысленным взором всплыли картины: не пафосные портреты, а то, что он мечтал написать, — свет, пронизывающий оливковые рощи, танец морских волн, лицо спящего ребенка. Свобода. Искупление через искусство. Но цена...

— Это безумие, — прошептал он, скорее себе, чем невидимому собеседнику. — Я не могу писать того, кого не вижу. Это ремесло, а не магия.

— А вы попробуйте, — голос Заказчика стал тише, интимнее, в нем появились вкрадчивые, гипнотические ноты. — Именно магия меня и интересует. Я не верю в ремесленников. Я верю в проводников. Вы будете моим проводником к самому себе. Или откажетесь. Прямо сейчас. Скажите «нет», и вас отвезут обратно, к вашим долгам, к вашим чиновникам в медалях, к вашей тоске по несбывшемуся, которая с каждым днем будет высасывать из вас жизнь, пока вы не станете сухой, выпотрошенной оболочкой. Решать вам.

И Алексей не смог сказать «нет». Сблуд был слишком велик, а червоточина отчаяния — слишком глубока. Он согласился. Кивнул, забыв, что его не видят, и произнес глухое «да». С этого момента начался его личный спуск в лабиринт, из которого, как он позже поймет, не было выхода.

Так начались сеансы. Жизнь Алексея разделилась на две неравные, несообщающиеся части. Одна — серая, плоская, ставшая почти невыносимой в своей пресности: его квартира, шум улиц, звонки кредиторов, которые он теперь игнорировал с брезгливым пренебрежением, витрины магазинов, залитые искусственным светом. Другая — насыщенная, темная, вибрирующая от незримого напряжения, жизнь в особняке Заказчика. Цербер-водитель, которого Алексей про себя окрестил Молчуном, приезжал за ним в назначенный час, всегда вовремя, всегда с черной повязкой в руке. Дорога, темнота, гравий, запах хвои — этот ритуал стал привычным, почти успокаивающим. А затем — холл, ширма, и Голос.

Мастерская, которую ему предоставили, располагалась в просторной зале, смежной с холлом. В ней было все, о чем художник может только мечтать, и даже больше. Мольберты из красного дерева, вращающиеся платформы, гигантский, во всю стену, стеллаж с холстами любого зерна и плетения, батареи баночек с пигментами, редчайшими минералами, растертыми в пыль, связующие вещества, о существовании которых Алексей только читал в старинных трактатах. Отдельно, в стеклянном шкафу с климат-контролем, хранились кисти — колонковые, беличьи, из барсучьего волоса, тонкие, как иглы, и широкие, как ладони. Это был арсенал демиурга, готовый к сотворению миров. Однако главный элемент — натура — оставался сокрыт.

Ширма, разделявшая мастерскую на две неравные части, была его постоянным немым партнером. Заказчик всегда находился за ней. Алексей слышал его дыхание, тихое, размерен-

ное, иногда шаги, скрип паркета, шорох одежды. Иногда тени начинали свой загадочный танец. Заказчик управлял светом: то усиливал лампу у себя за спиной, то гасил ее, создавая глубокие провалы, то направлял луч таким образом, что на матовой поверхности ширмы вырисовывались контуры. Но контуры эти были текучи, ускользающи, они словно издевались над Алексеем, не давая зацепиться взглядом. Это была попытка дразнящей близостью образа.

Первые дни он провел в ярости и отчаянии. Как можно поймать суть того, что не имеет формы? Он делал набросок за наброском, рвал их, топтал, швырял уголь. Он пытался спорить, требовать хоть малой толики информации.

— Опишите себя! — вскричал он на третьем сеансе. — Хотя бы словесно! Цвет ваших глаз, форма носа!

— Слова — это ложь, Алексей Андреевич, — ответил Голос с тенью сожаления. — Они лишь якоря для разума, не дающие ему плыть в правильном направлении. Глаза... Что есть глаза? Стекловидное тело, радужка. Это не я. Ищите глубже. Слушайте интонацию. В ней больше меня, чем в отражении в зеркале.

И Алексей начал слушать. Он погружался в голос Заказчика, словно в темный омут. Тот рассказывал истории — странные, противоречивые, обрывки воспоминаний, которые не складывались в единую биографию. Однажды он поведал о том, как мальчишкой смотрел на звезды в пустыне Атакама, где небо было черным, как сажа, и звезды, казалось, кричали в безмолвной агонии. В другой раз — о том, как старый ростовщик в Марракеше учил его различать запахи тридцати шести сортов шафрана, один из которых был ядовит. Эти истории, полные экзотики и скрытой угрозы, завораживали Алексея. Он переносил их на холст. Но не сюжеты, нет. Он пытался передать ощущение: ледяное, колючее сияние звезд из первой истории породило серию мазков, словно острых осколков стекла, впивающихся в черноту фона. Пряный, дурманный аромат шафрана из второй вылился в буйство теплых, охристых и кроваво-красных тонов, перетекающих друг в друга вязкими, маслянистыми волнами.

Так появились первые картины. Они были абстрактны, но в то же время пугающе конкретны в своем эмоциональном послыле. Алексей сам не понимал, как у него это получается. Он словно становился сейсмографом, улавливающим подземные толчки чужой, огромной и темной души. Заказчик, видя готовые работы, молчал по несколько минут. Затем произносил одну и ту же фразу: «Еще. Следующую». И в его голосе не было ни похвалы, ни критики, только глубокое, почти ритуальное удовлетворение, словно он был жрецом, наблюдающим за тем, как прорицатель верно толкует дым жертвенного костра.

С каждым новым сеансом Алексей чувствовал, как меняется он сам. Тишина и полумрак особняка проникали в него, оседали на дне души тяжелым осадком. Внешний мир становился все более иллюзорным, а реальностью был только этот зал, голос и то, что рождалось под его кистью. Он заметил, что его собственные сны стали ярче, насыщеннее, но и кошмарнее. Ему снились лабиринты из черного дерева, бесконечные анфилады комнат, в которых он искал выход, и везде его преследовала одна и та же тень — огромная, бесформенная, заслоняющая свет. Просыпаясь, он не чувствовал отдыха. Лишь липкий страх и странное, щемящее чувство, будто он что-то забыл, что-то жизненно важное, что находится прямо за порогом сознания.

Личные отношения, которых и так было немного, сошли на нет. Его старый друг, галерист Марк, как-то зашел к нему в мастерскую, ужаснулся неопрятности и затворничеству Алексея и попытался вытащить его на люди, но наткнулся на глухую стену отчуждения. «Ты себя в зеркало-то видел?» — спросил он тогда, и в его глазах промелькнуло неподдельное беспокойство. Алексей посмотрел. Из зеркала на него глядел осунувшийся человек с темными кругами под глазами, с беспокойным, бегающим взглядом, в котором застыло выражение постоянного

внутреннего напряжения. Он казался себе свечой, которую жгут с двух концов, и воск его души плавился, капая раскаленными каплями в неведомую пустоту.

Но он не мог остановиться. Этот проект гипнотизировал его, как удав кролика. Дело было даже не в деньгах. Он чувствовал, что соприкоснулся с чем-то запредельным, с тайной, которая больше, чем просто человек за ширмой. Он ощущал себя инструментом в руках неведомого музыканта, и музыка, которую они извлекали, была страшной, но прекрасной в своей иррациональности. Он и хотел узнать правду, и панически ее боялся.

Настал день, когда была закончена двенадцатая картина. Она стала квинтэссенцией всего услышанного и прочувствованного. На ней не было ни единой фигуративной детали — лишь пульсирующий, черный овал в самом центре, окруженный ореолом холодного, серебристого сияния, которое, казалось, поглощало свет из комнаты, а не излучало его. Это была абсолютная, ничем не замутненная воля, готовая либо вобрать в себя весь мир, либо уничтожить его. Алексей отошел от мольберта, чувствуя полное опустошение. Он сделал это. Серия была завершена. Он стоял перед своим творением, и внезапно его охватил ужас. Ему показалось, что черный овал смотрит на него в ответ.

— Bravo, Алексей Андреевич, — раздался голос Заказчика. Впервые за все время в нем слышалось неподдельное, живое чувство. Не удовлетворение, а скорее тихая, трепещущая радость, предвкушение. — Это именно то, чего я ждал. Вы превзошли все мои ожидания.

В руках Молчуна, который бесшумно возник в дверном проеме, появился металлический кейс. Он открыл его. Внутри, в специальных углублениях, тускло поблескивали тугие пачки сто долларовых купюр. Все двенадцать миллионов. Наличными. Алексей смотрел на деньги, но не чувствовал ничего, кроме усталости и гулкой пустоты в груди. Он кивнул, принимая плату, словно это был лишь мелкий, незначительный реквизит в завершившемся акте грандиозного спектакля.

— Контракт исполнен, — произнес он, не узнавая собственного, осипшего голоса. — Я могу быть свободен?

— Не спешите, — голос Заказчика стал шелковым, обволакивающим. — Наш основной контракт, да, завершен. Но я хочу предложить вам еще один. Последний. Самый важный.

Алексей напрягся. Он чувствовал подвох, как зверь чувствует приближение охотника. Воздух в комнате сгустился, стал вязким, дышать сделалось трудно.

— Какой? — спросил он, и слово упало в тишину, как камень в бездонный колодец.

— Я хочу, чтобы вы написали мой портрет. Настоящий. С натуры. Без ширмы. Лицом к лицу, — произнес Заказчик. Каждое слово было наполнено таким значением, таким всепоглощающим намерением, что у Алексея похолодели кончики пальцев. — В обмен я исполню любую вашу мечту. Самую сокровенную. Ту, о которой вы не решаетесь сказать даже самому себе.

Предложение ударило его наотмашь. Исполнить любую мечту? Это звучало как сказка, как бред сумасшедшего. Но он уже давно понял, что человек за ширмой — не сумасшедший и не шарлатан. Его власть, его ресурсы были почти безграничны. А мечта... Мечта, похороненная под грудой лет, прагматизма и разочарований, внезапно ожила, забилась раненой птицей под самым сердцем. Это не было желание славы или богатства. Это было то, что не купишь ни за какие миллионы. Это была возможность вернуть один миг из прошлого. Один-единственный, роковой миг, который сломал его жизнь и превратил из гения, каким он мог бы стать, в ремесленника.

Десять лет назад. Летний вечер, пахнущий тополиным пухом и разогретым асфальтом. Скромная съемная квартира, ставшая их первым семейным гнездом. Его жена, Катя, — легкая, светлая, с вечно смеющимися глазами, — на позднем сроке беременности. Он работал тогда над своей самой важной картиной, дипломной работой, которая должна была перевернуть мир. И перевернула... но не так, как он мечтал. Он был настолько поглощен холстом, настолько глух

к окружающему миру, что не услышал ее тихий зов. Она просила вызвать скорую, начались преждевременные роды, а он, отгородившись наушниками, в упоении смешивал ультрамарин с жженой костью, пытаясь уловить оттенок предгрозового неба. Когда он наконец обернулся, она уже лежала без сознания. Скорая не успела. Он потерял и ее, и их неродившуюся дочь. В один миг. Из-за своей преступной, чудовищной одержимости.

С тех пор он жил с этой незаживающей раной. Все его мечты обратились в пепел. Он возненавидел живопись, ту самую страсть, что отняла у него мир. И он же за нее держался, потому что больше ничего не умел, потому что это было его проклятием и единственным способом не наложить на себя руки. С каждым годом боль притуплялась, но чувство вины никуда не исчезало, оно ушло глубоко в подполье сознания, отравляя каждую секунду существования, не давая радоваться, любить, творить. Его единственной, невозможной, самой тайной мечтой было все исправить. Вернуться в тот вечер. Оторваться от проклятого холста и услышать ее. Спасти их. Даже если бы это означало стереть самого себя из настоящего.

И вот теперь это сверхъестественное существо, этот демон, сидящий за ширмой, предлагает ему ключ от клетки, в которой он заперт десять лет. Предлагает невозможное в обмен на смехотворную, казалось бы, малость — просто портрет. Последний шаг за грань дозволенного.

— Вы... вы не можете этого сделать, — прошептал Алексей, отступая на шаг. Его трясло. — Это невозможно. То, о чем вы говорите, это не мечта. Это нарушение законов мироздания.

— Законы мироздания, — Голос усмехнулся. — Это всего лишь правила, написанные теми, у кого не хватило духу их нарушить. Я предлагаю вам сделку. Последнюю. Вы хотите получить свой второй шанс? Вы его получите. Мои возможности, повторюсь, значительно шире, чем вы думаете. Но и цена будет соответствовать. Увидеть меня — значит, принять на себя груз этого знания. Готовы ли вы заплатить такую цену?

Алексей стоял, шатаясь, словно под напором урагана. Две бездны смотрели друг на друга. Бездна его собственного отчаяния, его мучительной, невыносимой вины — и бездна, скрытая за черным деревом, бездна, которая манила и обещала покой через невероятное, чудовищное искупление. Он вспомнил глаза Кати, ее смех, тяжесть ее головы на своем плече. Вспомнил пустую детскую, которую так и не решился разобрать. Вся его прошлая жизнь, все его «после» было бесконечным криком в пустоту.

— Я согласен, — выдохнул он. Губы его пересохли и едва шевелились. — Я напишу ваш портрет. Лицом к лицу. Сделайте это. Верните тот день. Я согласен на все.

Тишина была ему ответом. Глубокая, звенящая, наполненная значением. Затем раздался тихий, механический звук. Он шел от ширмы. Секции черного дерева, украшенные резьбой, начали медленно, торжественно складываться, сдвигаться к стенам, открывая пространство, которое они так долго и ревностно скрывали. Алексей застыл, боясь вздохнуть, боясь моргнуть. Каждая секунда этого движения длилась вечность. Он вглядывался в открывающийся проем, в сгущающийся желтоватый свет, ожидая увидеть нечто. Он не знал что. Божество? Монстра? Старика, излучающего вековую мудрость?

Наконец, ширма пала полностью. Свет мягко заливал небольшую нишу. В ней, в простом деревянном кресле, сидел человек.

Художник увидел его и не понял.

Его мозг отказывался принимать увиденное, накладывая один образ на другой, пытаясь найти несоответствие, ошибку, обман зрения. Он смотрел на человека, сидящего в кресле, и видел собственное лицо.

Но не то лицо, которое он каждое утро видел в зеркале — усталое, осунувшееся, но все еще принадлежащее мужчине средних лет. Нет. На него смотрело его лицо, состаренное на тридцать лет. Глубокая паутина морщин изрезала лоб и щеки. Кожа обветрилась, стала пергаментной, пошла пигментными пятнами. Скулы заострились, придавая облику хищную, страдальческую выразительность. Волосы, когда-то русые, стали совсем седыми, редкими, словно

зимний иней. Но самое страшное — глаза. Это были его собственные глаза, но дно их было заполнено такой леденящей бездной опыта, такой непроглядной тьмой пережитого, что Алексей почувствовал, как его ноги подкашиваются. Эти глаза видели то, что он не мог даже вообразить. Они смотрели на него с выражением спокойного, всезнающего, почти отеческого ужаса. Это был живой портрет его собственного будущего, ставший явью. Портрет, написанный временем, а теперь оживший во плоти.

Он хотел закричать, но горло сжал ледяной спазм, и он не издал ни звука. Воздух застрял в легких, отравленный невозможностью происходящего. Его двойник, его кошмар из плоти и крови, чуть склонил голову набок, и на его иссохших губах заиграла слабая, знакомая до боли улыбка. И он заговорил. Голос, который звучал все эти недели из-за ширмы, теперь исходил из этого рта, но он обрел новое, ужасающее качество. Это был голос самого Алексея, только постаревший, надтреснутый, пропитанный пылью десятилетий, но не вызывающий сомнений в своей принадлежности.

— Вот видишь, — произнес двойник тихо, почти ласково. — Ты уже написал меня. Все эти двенадцать картин. Каждую грань. Каждый страх. Ты смотрел в себя, не зная этого. Теперь — мой черед.

Он поднялся с кресла. Движения его были медленны, но исполнены неодолимой, гранитной силы. Он сделал шаг к окаменевшему Алексею.

— Теперь я напишу тебя, — произнес он, и в его голосе больше не было тепла. Только ледяная, неотвратимая констатация грядущей судьбы. — У тебя осталось три дня.

С этими словами он поднял руку, и Алексей, парализованный первобытным ужасом, увидел в его пальцах, скрюченных подагрой и временем, тонкую кисть. Но на конце ее была не щетина. Там, изогнувшись в зловещем, живом танце, трепетал язычок абсолютной тьмы, готовый начать свой роковой мазок по самой ткани бытия Алексея. Свет в комнате начал меркнуть, скручиваться в воронку, в центре которой стоял он сам, а его состаренный двойник, его живое проклятие, медленно, неумолимо поднимал кисть, готовясь нанести первый мазок на холст его души.

Глава 2. Первый мазок на изнанке век

Свет погас не сразу. Он умирал медленно, мучительно, словно затухающая лампа, в которой раскаленная нить еще борется с наступающей тьмой, выплевывая последние, агонирующие всполохи. Алексей видел, как пространство комнаты сворачивается, скручивается в воронку, центром которой было его собственное сердце. Стены из темного дерева, мольберты, тяжелые драпировки — всё это утратило твердость, поплыло, превращаясь в размытый фон для единственной реальной фигуры — его состаренного двойника, неумолимо приближающегося с кистью в руке. Кисть была продолжением самого мрака, она не отражала свет, а вбирала его в себя, оставляя за собой шлейф абсолютной, дофизической черноты.

Сознание Алексея раскололось. Одна часть, животная, первобытная, вопила о бегстве, приказывала мышцам рвануться, бежать прочь из этого склепа. Другая, парализованная предельным ужасом, наблюдала за происходящим с холодной, отстраненной ясностью безумца. Он видел каждую морщину на лице своего двойника, каждое пигментное пятно, каждый седой волосок в редких бровях. Видел, как дрогнули уголки его иссохших губ, повторяя тот самый, до боли знакомый рисунок, который сам Алексей видел каждое утро в зеркале, только доведенный временем до гротескного, кошмарного предела. И эти глаза. Собственные глаза, смотревшие на него с выражением спокойного, всепроникающего знания. В них не было злобы. Только глубокая, вселенская печаль и что-то еще, похожее на исполнение давно предначертанного долга.

Двойник сделал еще один шаг. Половицы под ним не скрипнули, словно он не имел веса, словно был соткан из той же непроглядной субстанции, что и его кисть. Он занес руку для первого мазка, и в этот миг Алексей, наконец, обрел способность двигаться. Это был не осознанный порыв, а слепой, конвульсивный бросок в сторону, подальше от надвигающейся гибели. Он споткнулся о край ковра, тяжелого, с ворсом, напоминающим спутанную шерсть мертвого зверя, и рухнул на колени. Острая боль пронзила ногу, но отрезвления не принесла. Извернувшись, он выставил перед собой руки, словно пытаясь отгородиться от неотвратимого.

— Нет! — закричал он. Голос сорвался в хрип, заметался под высокими сводами комнаты, но прозвучал жалко, как писк мыши в когтях у кота. — Ты не можешь... Это не я... Я не понимаю!

Двойник остановился. Его рука с кистью замерла в воздухе. Улыбка на старом лице стала шире, обнажив зубы — желтоватые, но до странности ровные, крепкие, не соответствующие общему облику дряхлости. Это несоответствие резануло глаз Алексея острее ножа. Казалось, сама плоть этого существа подчинялась иным законам, нежели простая человеческая биология.

— Не понимаешь? — произнес двойник. Голос его, надтреснутый и сухой, эхом отозвался в голове Алексея, минуя уши. Казалось, он звучал прямо в извилинах мозга, ввинчиваясь в самое естество. — А разве не ты провел тридцать четыре сеанса, вслушиваясь в мой голос? Разве не ты, обливаясь потом, смешивал краски, чтобы уловить мою суть? Ты написал двенадцать картин, Алексей. Двенадцать исповедей моей души. И знаешь, что самое забавное? Ты ни разу не ошибся. Ты был идеальным зеркалом, самым чутким инструментом. Ты запечатлел не заказчика, не монстра, не бога. Ты запечатлел самого себя. Того себя, которым ты станешь. Того, которым ты уже являешься в моем лице.

— Ложь! — Алексей попытался встать, цепляясь за угол ближайшего мольберта. Дерево жалобно скрипнуло. — Я не знаю тебя! Ты подстроил это! Гипноз, наркотики в воздухе, что угодно! Я не мог написать себя!

— Слова «я» и «ты» — всего лишь условность, — двойник склонил голову набок, точно так же, как делал сам Алексей, когда рассматривал неудавшийся фрагмент картины. — Границы личности проницаемы. Особенно для тех, кто прикасается к изнанке бытия посредством

искусства. Ты продал мне свой талант, Алексей. Не сейчас. Давно. Десять лет назад, когда впервые взял кисть не для того, чтобы творить, а чтобы забыться. С каждым заказным портретом, с каждым лживым мазком ты выстилал дорогу ко мне. Я лишь поставил финальную точку. Вернее, я начинаю ее писать.

Он снова поднял кисть. Черный язычок на ее конце затанцевал быстрее, испуская тонкий, комариный писк, от которого заныли зубы. Алексей понял, что кричать и умолять бесполезно. Это существо, кем бы оно ни было, подчинялось логике, непостижимой для человеческого разума. Логике сделки, которая уже была заключена самим фактом его, Алексея, согласия. Он сам, добровольно, в обмен на призрак искупления, отдал себя в эти руки.

— Подожди! — выкрикнул он, собрав остатки самообладания. — Ты обещал мечту! Ты сказал, что исполнишь мою мечту! Вернуть тот день! Спасти Катю и дочь! Я согласился на портрет с натуры. Ты показал лицо. Теперь ты должен выполнить свою часть сделки!

Смех двойника был похож на шелест сухих страниц, переворачиваемых ветром в заброшенной библиотеке. Он наполнил комнату запахом старой бумаги и тления.

— О, бедный мой Алексей, — произнес он с интонацией, которую можно было бы принять за сочувствие, если бы не ледяной холод, сквозивший в каждом слове. — Ты до сих пор думаешь, что мечта — это изменение прошлого? Как примитивно. Как мелодраматично. Твоя истинная мечта была не в том, чтобы спасти их. Твоя истинная мечта — перестать чувствовать вину. Избавиться от груза, который ты таскаешь в себе все эти десять лет. И я дам тебе это. Я напишу тебя нового. Освобожденного. В моем портрете нет места для этой боли. Я сотру ее. Сделаю первый мазок прямо по ней. Разве это не то, чего ты хочешь? Разве не об этом ты молил неизвестно кого все эти годы?

У Алексея перехватило дыхание. Чудовищная правда этих слов оглушила его, как удар обухом по голове. Да, он хотел вернуть тот вечер. Но еще больше он хотел не просыпаться каждое утро с этим камнем в груди. Не видеть во сне ее укоризненный взгляд. Не вздрагивать от звука сирены скорой помощи. Он хотел, чтобы боль ушла, любой ценой. И эта цена, оказывается, была назначена — его собственная сущность.

— Три дня, — повторил двойник, и голос его начал удаляться, хотя он стоял на месте. — Три дня, и портрет будет закончен. Ты можешь бороться, можешь пытаться бежать, можешь искать помощи. Это ничего не изменит. Холст уже натянут на подрамник твоей души. Грунт нанесен. Я начинаю первый слой.

С этими словами он сделал движение кистью. Не по воздуху, не по холсту, а сверху вниз, словно рассекая невидимую преграду прямо перед лицом Алексея. И в тот же миг мир вокруг Алексея дернулся, словно проекция на сбившейся киноплёнке. Он увидел комнату, но иначе — цвета стали блеклыми, контрастными, как на старом дагерротипе. Звуки исчезли, остался лишь высокий, звенящий тон тишины. А главное — он перестал чувствовать границы собственного тела. Оно было здесь, он мог им управлять, но оно казалось чужим, неправильно подключенным, словно костюм, сшитый не по его меркам. Ощущение было настолько тошнотворным и дезориентирующим, что он открыл рот, чтобы закричать, но не услышал собственного голоса.

А потом темнота обрушилась на него, как занавес в конце последнего акта.

Очнулся он от холода. Холод был повсюду. Он шел от каменных плит, на которых Алексей лежал, от стен, от самого воздуха, пропитанного сыростью и запахом прелой листвы. Он лежал на земле, на ковре из мокрых прошлогодних листьев, под высокими соснами, чьи черные стволы уходили в серое, предрассветное небо. Дождь не шел, но все вокруг было пропитано влагой — мир, словно выстиранное белье, которое забыли отжать. Алексей попытался пошевелиться и застонал. Каждая мышца болела, будто его долго и методично избивали. Голова гудела, перед глазами плавали радужные круги.

Он сел, опираясь на дрожащие руки. Лес. Тот самый лес, что окружал особняк. Но самого особняка не было. На том месте, где должно было возвышаться мрачное здание с остроко-

нечными башнями, теперь рос густой кустарник, старые, замшелые пни и несколько корявых берез. Ни фундамента, ни осколка стекла, ни следа подъездной дорожки. Ничего. Словно особняк был миражом, плодом его больного воображения, и развеялся с первыми лучами солнца. Солнце, кстати, еще не взошло, но небо на востоке уже наливалось тусклым свинцовым светом, предвещая хмурое, неприветливое утро.

Алексей ощупал себя. Одежда была та же — темные джинсы, рубашка, легкий пиджак, в котором он вышел из дома, как ему казалось, вчера утром. Пиджак был влажным, но не насквозь мокрым. Портфеля с альбомом и карандашами не было. Он проверил карманы: ключи от квартиры, кошелек, телефон. Телефон, к его удивлению, работал, показывая полный заряд батареи и время — пять сорок три утра. Дата... Он уставился на светящиеся цифры и почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Дата была той же самой — день, когда он закончил двенадцатую картину. Прошло всего несколько часов с того момента, как он вошел в особняк, полный надежд, и вышел оттуда выпотрошенным. Или это было вчера? Понятие времени расплывалось, становилось ненадежным.

Он с трудом поднялся на ноги. Голова закружилась, пришлось ухватиться за шершавый ствол сосны. Кора была реальной, шершавой, пахнувшей смолой. Насекомые деловито сновали по ее трещинам. Этот мир был настоящим. Но тогда чем был тот, оставленный за ширмой? И был ли он? Алексей потрогал свой лоб, виски. Никаких шишек, никаких следов от инъекций. Если это и был гипноз или наркотик, он не оставил физических улик. Оставалось только одно доказательство, самое неопровержимое — леденящее чувство внутри, ощущение, что первый мазок по его душе уже нанесен. Он больше не был прежним. Что-то в самой основе его существования было стронуту, сдвинуто на миллиметр, и от этого смещения мир приобрел иное звучание.

Шатаясь, он побрел сквозь лес, ориентируясь по едва заметной тропе. Ноги сами несли его, хотя разум еще пребывал в оцепенении. В голове билась одна мысль: «Три дня. У тебя осталось три дня». Ему нужно было домой. В укрытие. Запереться, спрятаться, забиться в угол и попытаться осмыслить произошедшее. А, может быть, позвонить Марку? Или в полицию? Что он им скажет? «Мой состаренный двойник из исчезнувшего особняка пообещал переписать мою личность волшебной кистью»? Его тут же определят в соответствующий стационар. Да и Молчун, водитель-цербер, тоже исчез вместе с машиной и кейсом, набитым деньгами. Деньги. Он вспомнил о двенадцати миллионах. Если особняк — мираж, то и кейс, и плата — тоже? Или он где-то здесь, в лесу? Алексей истерически усмехнулся, представив себя, бредущего с чемоданом долларов через чащу. Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Такие сделки не оплачивают простыми бумажками. Плата всегда берется из другого кармана.

Лес кончился так же внезапно, как и начался. Он вышел на асфальтированную дорогу, узкую и пустынную, которая петляла среди полей. Утренний туман стелился над пожухлой травой, придавая пейзажу нереальный, фантомный вид. Ни одной машины. Тишина стояла глубокая, звенящая, нарушаемая лишь карканьем вороны где-то вдалеке. Он достал телефон и открыл приложение с картой. Геолокация определилась не сразу, но через минуту на экране высветилась точка. Он находился в семидесяти километрах от города, в районе, где не было никаких населенных пунктов, только старые вырубki и заброшенные дачные поселки. Никаких особняков на карте, разумеется, не значилось. Как он сюда попал? Как выбираться?

Он побрел по обочине в сторону, которую подсказывала карта, надеясь поймать попутку или сигнал автобуса. Прошло около часа, прежде чем послышался звук мотора. Старенький, побитый жизнью «УАЗ»-«буханка» вынырнул из тумана, дребезжа всеми своими частями. Алексей поднял руку. Машина остановилась. За рулем сидел пожилой мужик в засаленной телогрейке, с обветренным, морщинистым лицом, на котором застыло выражение вечного недовольства.

— До города не подбросите? — спросил Алексей, стараясь, чтобы его голос звучал нормально.

— Садись, — буркнул водитель, смерив его подозрительным взглядом. — Что, заблудился? Туристы тут не ходят.

— Что-то вроде того, — ответил Алексей, забираясь в пропахший бензином и табаком салон.

Всю дорогу они ехали молча. Мужик изредка косился на своего пассажира, но вопросов не задавал. Алексей смотрел на мелькающие за окном серые поля, перелески, покосившиеся столбы электропередач, и пытался собрать мысли воедино. Реальность была настолько плотной, обыденной, что происшедшее в особняке начинало казаться сном, наваждением. Может быть, у него случился нервный срыв? Переутомление, хронический стресс, голод? Он действительно почти не ел последние дни, одержимый работой. Может, он просто упал в обморок в своей мастерской, а все остальное — это бред, галлюцинация, порожденная больным мозгом? Эта версия была спасительной, уютной. Психоз. С ним можно работать. К психиатру, на таблетки, на терапию. И никакой мистики.

Но воспоминание о том, как дрогнула реальность, как кисть из тьмы рассекла воздух перед его лицом, было слишком ярким, слишком физиологическим. И ощущение внутри — это чужеродное присутствие в самой сердцевине его «я» — никуда не делось. Оно пульсировало там, как заноза, которую невозможно вытащить.

Водитель высадил его на окраине города, у автобусной остановки. Алексей сунул ему смятую купюру, которую тот принял без слов, и «буханка», чихнув сизым дымом, укатила прочь. Он пересел на автобус, потом на метро, и через час с небольшим уже стоял перед дверью своей квартиры, дрожащими руками пытаясь попасть ключом в замочную скважину. Ключ проворачивался с трудом, словно замок заржавел за одну ночь. Наконец дверь со скрипом открылась.

В квартире пахло пылью и запустением, хотя он убирался пару дней назад. Свет из окна, пасмурный и неласковый, падал на привычные предметы — старый диван, книжные полки, рабочий стол, заваленный эскизами. Все было на своих местах. Но что-то было не так. Неуловимо, на грани восприятия. Словно за время его отсутствия здесь кто-то побывал и передвинул каждую вещь на миллиметр в сторону. Или изменился угол зрения. Или сам воздух стал плотнее. Алексей прошел на кухню, машинально включил чайник. Привычные действия помогали удержаться на плаву, не соскользнуть в омут паники. Он должен мыслить рационально. Он — современный, образованный человек. Он не верит в чертовщину. Двойник? Галлюцинация. Кисть из тьмы? Метафора. Три дня? Бредовая идея, внушенная самому себе.

Он налил кипятка в кружку, бросил пакетик чая, сел за стол и уставился в одну точку на стене. Там, на выцветших обоях, висела небольшая фотография в рамке. Катя. Молодая, смеющаяся, с букетом полевых ромашек. Он смотрел на нее каждый день, привык, и боль давно уже превратилась в тупой, ноющий фон. Но сейчас, глядя на фото, он почувствовал что-то новое. Не боль. Скорее, пустоту. Словно эмоция, связанная с этим образом, была накрыта плотным, звуконепропускаемым колпаком. Он знал умом, что это его жена, которую он любил, в смерти которой был виноват. Но чувство вины, острое, выжигающее, стало каким-то приглушенным, далеким. Будто кто-то прикрутил ручку громкости его эмоций. Первый мазок. Стереть вину. Двойник говорил именно об этом. И он начал стирать.

От этой догадки ладонь, державшая кружку, дрогнула, и горячий чай пролился на стол. Алексей отдернул руку и зашипел от боли. Боль была настоящей. Кожа покраснела. Это привело его в чувство. Он резко встал, подошел к раковине, подставил руку под струю холодной воды. Физическая боль выступила якорем, подтверждением реальности происходящего. Но вместе с ней пришло и осознание: с ним действительно что-то делают. Меняют его. И это не метафора.

Он не мог сидеть сложа руки. Импульсивно он схватил телефон и набрал номер Марка. Галерист был единственным, кому он мог хоть как-то довериться, не боясь быть немедленно

высмеянным. Гудки шли долго, один за другим. Наконец, в трубке раздался сонный, недовольный голос:

— Леша, ты вообще видел, сколько времени? Воскресенье, семь утра. У тебя совесть есть?

— Марк, мне нужна твоя помощь, — голос Алексея предательски дрогнул. — Это серьезно. Я попал в беду.

— Что случилось? Ты в больнице? В полиции? — сонливость в голосе Марка сменилась тревогой.

— Нет, я дома. Но... дело плохо. Я не могу объяснить по телефону. Ты можешь приехать? Прямо сейчас?

В трубке повисла пауза. Марк шумно вздохнул.

— Ладно. Через час буду. Поставь кофе.

Он повесил трубку. Алексей обессиленно опустился на стул. Час ожидания превратился в пытку. Он не знал, куда себя деть. Ходил по комнате из угла в угол, брал в руки вещи и ставил их обратно, включал и выключал свет. Ему казалось, что если он остановится, то услышит тихий шорох кисти, творящей свою разрушительную работу в его душе. Он попытался заснуть, но стоило ему закрыть глаза, как перед внутренним взором вставало лицо двойника — его собственное, состаренное, с выражением жуткого покоя. Сон не шел.

Марк приехал ровно через час, взъерошенный, с опухшим лицом, но с горячими круасанами из пекарни внизу. Он бросил пакет на стол и пристально посмотрел на Алексея.

— Ну и видок у тебя, — констатировал он. — Ты когда последний раз спал? Или ел? Ты похож на призрак.

Алексей махнул рукой и, запинаясь, начал рассказывать. Он старался говорить спокойно, последовательно, но помимо воли сбивался на эмоции. Он рассказал о странном звонке, о заказах, о ширме, о Голосе, о двенадцати картинах. А когда дошел до финала — до падающей ширмы, до двойника, до кисти, — заметил, как лицо Марка вытягивается, а в глазах появляется то самое, пугающее выражение, которое он так боялся увидеть. Выражение жалости, смешанной с уверенностью, что перед ним сумасшедший.

— Подожди, — Марк поднял руку, прерывая его на полуслове. — Давай по порядку. Ты говоришь, что закончил двенадцать картин для какого-то таинственного заказчика? И получил за это двенадцать миллионов долларов наличными? Где они? Покажи мне эти картины.

Алексей замер. Он не подумал об этом. Картин не было. Он написал их в той мастерской, в особняке, который исчез. Все двенадцать полотен, в которые он вложил столько сил, остались там. У него не было ни единого доказательства. Даже набросков в портфеле, который пропал.

— Они... Они остались там, — выдавил он. — В особняке. Но особняк исчез. Когда я очнулся, на его месте был лес.

— Леша, послушай себя, — Марк подошел к нему и положил руку на плечо. — Ты переутомился. Это очевидно. Месяцы без нормальных заказов, долги, постоянный стресс. Ты просто заперся в своей мастерской и... сотворил себе этот мир. Это психогенный ступор. Так бывает. Давай я вызову врача. Хорошего, частного. Он придет, осмотрит тебя, сделает укол, и ты проспишь сутки. А потом мы спокойно поговорим.

— Ты мне не веришь, — прошептал Алексей.

— Я верю, что тебе плохо, — мягко, но настойчиво произнес Марк. — Я верю, что ты веришь в то, что говоришь. Но пойми, чудес не бывает. Исчезающих особняков, двойников с волшебными кистями — это все сюжеты для твоих картин, а не для жизни. У тебя был эпизод. Возможно, микроинсульт, транзиторная ишемическая атака. Это объясняет и провалы в памяти, и галлюцинации.

Алексей резко сбросил его руку с плеча. Гнев, неожиданно сильный, вскипел в нем.

— А это? — он вытянул вперед обожженную руку, красную, с уже вздувающимся пузырем. — Это что, по-твоему, тоже галлюцинация? Я обжегся чаем сегодня утром, потому что испугался того, что происходит внутри меня! Я чувствую, как оно стирает меня! Мои эмоции, мои воспоминания! Я смотрел на фото Кати и ничего не чувствовал, Марк! Ничего! Впервые за десять лет! Ты понимаешь, что это значит?!

Марк отступил на шаг, ошеломленный этой вспышкой. Он знал Алексея много лет и никогда не видел его в таком состоянии. Перед ним стоял не просто уставший и запутавшийся человек, а существо, загнанное в угол, готовое драться насмерть за свою, пусть и иллюзорную, правду.

— Ладно, — сказал он примирительно. — Допустим. Допустим, твой рассказ — правда. Тогда что ты намерен делать? У тебя, как ты говоришь, осталось три дня. Два с половиной теперь. Что мы будем делать?

Этот простой вопрос поставил Алексея в тупик. Он не думал о плане. Он был занят только попыткой убедить другого человека в реальности своего кошмара.

— Я не знаю, — признался он. — Я должен понять, кто он такой. Или что это такое. И как его остановить.

— С чего мы начнем? — спросил Марк, решив подыграть, чтобы успокоить друга. — Может, попробуем найти этот особняк по твоим воспоминаниям? Или съездим в лес?

— Бесполезно, — покачал головой Алексей. — Его там нет. Я проверял по карте. Но... есть одна зацепка. Он говорил о моей ранней работе. «Девушка с зашитым ртом». Она пропала много лет назад. Он знал о ней. Он сказал, что купил ее. Если это не бред, то должен быть след. Запись о покупке, подпольный аукцион, что угодно. Надо найти, у кого она сейчас.

Марк потер подбородок, размышляя.

— Это можно попробовать. У меня есть связи на черном рынке искусства. Сделаю несколько звонков. Но, Леша, даже если найдется покупатель, это ничего не докажет. Это может быть просто богатый коллекционер со странными вкусами, который зачем-то тебя разыграл.

— Пусть так, — упрямо произнес Алексей. — Но это хоть что-то.

Он чувствовал, как усталость наваливается на него свинцовой плитой. Веки налились тяжестью, мысли путались. Марк заметил это.

— А пока, — твердо сказал он, — ты ляжешь и поспишь. У тебя нет выбора. Ты свалишься. Я покараулю. Никакая кисть из тьмы сюда не доберется.

Сопротивляться больше не было сил. Алексей позволил увести себя в спальню. Рухнув на кровать, не раздеваясь, он провалился в тяжелое, черное забытие, в котором не было ни снов, ни образов, лишь одно бесконечное падение в пустоту.

Когда он проснулся, за окном уже смеркалось. Серый день сменился серыми сумерками. В квартире было тихо. Он сел на кровати, чувствуя себя совершенно разбитым, и прислушался. Из гостиной доносился приглушенный голос Марка — он с кем-то разговаривал по телефону. Алексей встал и, стараясь не шуметь, подошел к двери.

— ...да, состояние тяжелое, но физически он в порядке, — говорил Марк. — Нет, в полицию не надо. Я думаю, это острый психоз на фоне истощения. Да, я понимаю. Доктор, вы не могли бы приехать завтра с утра? Официально. Нет, он не агрессивен. Просто нужна консультация и, возможно, госпитализация. Да, я беру ответственность на себя.

Алексей отшатнулся от двери, как от удара. Марк вызывал психиатра. Он не поверил ни единому его слову. Он списал все на безумие. Горечь и обида захлестнули его, но почти сразу же сменились ледяным, отрезвляющим спокойствием. Он был один. Абсолютно один против своего неведомого врага. Никто не поможет, никто не поверит. Значит, он должен справиться сам.

Он бесшумно оделся, взял со стола ключи от машины, которую почти не использовал, и, стараясь не скрипеть половицами, вышел в коридор. Марк стоял к нему спиной, у окна, продолжая разговор.

— ...да, адрес я вам скину. Спасибо, доктор.

Алексей не попрощался. Он просто открыл входную дверь, выскользнул на лестничную клетку и тихо прикрыл ее за собой. Бежать? Куда? Он не знал. Но оставаться здесь, дожидаясь санитаров, было нельзя. Если его запрут в палате, накачают нейролептиками, то три дня истекут, и он даже не сможет сопротивляться.

Он спустился во двор, сел в старый, пыльный «Фольксваген», припаркованный у подъезда, и повернул ключ зажигания. Двигатель завелся с пол-оборота. Он выехал со двора и бесцельно покатыл по вечерним улицам. Город жил своей обычной жизнью: зажигались витрины, люди спешили по домам, в пробках гудели машины. Эта обыденность действовала успокаивающе. Здесь, в этом потоке, его история действительно казалась невозможной, нелепой. Может, Марк прав? Может, сдать себя врачам, принять таблетки, и жуткий двойник с кистью растает, как утренний туман?

Он остановился на светофоре и опустил стекло, впуская в салон влажный, прохладный воздух. И в этот миг он увидел его. На противоположной стороне улицы, в толпе спешащих людей, стоял человек в длинном темном пальто. Он не двигался, просто стоял и смотрел прямо на Алексея. Расстояние было метров пятьдесят, но Алексей готов был поклясться, что видит каждую морщину на этом старом, таком знакомом и таком ненавистном лице. Двойник. Он был здесь. В центре города, посреди обычной жизни. Он не прятался. Он смотрел с тем же выражением спокойного, всезнающего превосходства.

Кровь застыла в жилах Алексея. Сзади кто-то нетерпеливо засигналил — горел зеленый. Он машинально нажал на газ, машина дернулась и поехала прямо, но взгляд его был прикован к зеркалу заднего вида. Двойник не исчез. Он поднял руку, ту самую, в которой тогда держал кисть, и медленно, плавно провел в воздухе вертикальную черту. Один мазок. Алексею показалось, что небо над городом на мгновение треснуло, явив за собой абсолютную, звездную черноту, но видение длилось долю секунды.

Взвизгнув шинами, он свернул в ближайший переулок и помчался прочь, не разбирая дороги. Сердце колотилось где-то в горле. Он больше не сомневался. Это не был психоз. Его кошмар вышел за пределы особняка и теперь следовал за ним по пятам, неумолимый, как рок. Двойник приступил ко второму мазку, и на этот раз он обозначил свое присутствие в самой гуще реальности, словно насмехаясь над его попытками спрятаться в здравомыслии.

Он ехал, пока не кончился бензин, и лишь тогда остановился на обочине какой-то темной, загородной дороги. Вокруг снова был лес — густой, черный, шумящий под порывами ветра. Фары выхватили из мрака старый, покосившийся указатель: «Поселок Лесной — 3 км». Название показалось ему смутно знакомым. Где-то он его уже видел.

Он вышел из машины, чтобы размять ноги и глотнуть свежего воздуха. Тишина вокруг стояла необычайная, даже ветер стих. И в этой тишине он услышал звук. Тихий, монотонный, ритмичный. Звук, который невозможно было спутать ни с чем. Звук кисти, трущейся о зернистую поверхность холста. Ш-ш-шарк. Ш-ш-шарк. Он шел отовсюду и ниоткуда одновременно, наполняя собой весь мир. Алексей зажал уши руками, но звук не исчез — он проникал сквозь плоть, отдаваясь в костях.

— Прекрати! — закричал он в пустоту. — Я не дам тебе! Слышишь?!

Звук на мгновение затих, и в ответ ему раздался голос. Тот самый, надтреснутый, знакомый до последнего полутона. Он шел словно из-под земли, из-под корней деревьев, из самой сердцевины леса.

— Второй мазок, Алексей. Я убрал твой страх одиночества. Разве ты не чувствуешь? Теперь тебе все равно, что Марк предал тебя. Тебе больше не нужны люди. Это освобождение.

И снова воцарилась тишина. Алексей упал на колени в мокрую траву. Ужас происходящего был в том, что двойник говорил правду. Он действительно больше не чувствовал горечи. Ему было все равно. Огромный пласт его души, состоявший из боли от непонимания, из страха быть брошенным, из тоски по близости, просто исчез. Вместо него образовалась ледяная, стерильная пустота. Он становился... никаким. Он становился тем самым Голосом из-за ширмы.

Он понял замысел двойника. Тот не просто рисовал его портрет. Он методично, слой за слоем, удалял с холста его личности все человеческие слабости, всю боль, все привязанности. Он превращал его в совершенное, пустое, абсолютно самодостаточное существо, лишённое потребности в других. В то, чем, вероятно, был сам. Последним мазком, наверное, должна была уйти сама жизнь, или воля, или память. Что останется тогда? Пустая оболочка? Или, наоборот, нечто запредельное?

Алексей поднялся. Он больше не кричал. Он чувствовал, как внутри него воцаряется холодный, расчетливый покой. Тот самый, что был у его двойника. Но это был не его покой. Это была инвазия. И он должен был найти способ остановить ее, пока его собственное «я» не растворилось без остатка в этой космической анестезии.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Марка: «Леша, ты где? Я волнуюсь. Пожалуйста, вернись. Мы справимся вместе». Он посмотрел на экран, и слова показались ему пустыми, ничего не значащими значками. Он выключил телефон, швырнул его на пассажирское сиденье и зашагал по дороге в сторону поселка Лесной. Почему-то он был уверен, что ответы ждут его именно там. Где-то на краю сознания билась мысль: он уже был здесь. Когда-то очень давно. Возможно, в той, настоящей жизни, которую он так стремился забыть. Жизни, где Катя была жива, а он еще не совершил своей роковой ошибки. И лес этот, и поселок, и указатель — все это было частью его прошлого, тем осколком, который двойник еще не успел стереть. Третьим мазком он, видимо, сотрет и его. Но пока у него еще есть шанс. Последний шанс ухватиться за собственную тень, прежде чем она окончательно отделится и начнет жить своей, отдельной от него жизнью.

Глава 3. Пепел вчерашнего счастья

Дорога на Лесной была пуста, как жилы высохшего родника. Асфальт, местами взломанный корнями сосен, покрывала сеть трещин, напоминавшая карту неведомой, мёртвой речной дельты. Алексей шагал по обочине, и звук его шагов — сухой, ритмичный хруст гравия — казался единственным подтверждением того, что мир ещё не растворился в беззвучной пустоте, затягивающей его сознание. Луна, полная и равнодушная, висела над лесом, заливая всё вокруг болезненно-белым, рентгеновским светом, в котором тени деревьев казались не приложением к стволам, а самостоятельными сущностями — чёрными провалами в иную, изнаночную реальность.

Он шёл и не чувствовал холода, хотя ночной воздух был пропитан сыростью и первым, ещё робким дыханием приближающейся осени. Не чувствовал усталости, хотя тело, преданное мозгом, давно посылало сигналы боли в опустевший командный центр. Он просто фиксировал эти сигналы, как сломанный прибор фиксирует показатели, не имея возможности их интерпретировать. «Мне холодно. Мои ноги болят. Я голоден». Факты. Голые, стерильные, лишённые эмоциональной окраски. Словно он читал медицинскую карту постороннего человека. Второй мазок, сделанный его состаренным двойником, выжег страх одиночества, и вместе с ним, как оказалось, ушло и всё остальное — способность переживать дискомфорт как страдание, потребность в сочувствии, даже элементарное желание согреться. Остался лишь холодный, аналитический наблюдатель, запёртый в клетке из плоти, обречённый бесстрастно следить за её распадом.

Он остановился и поднёс ладони к лицу. В лунном свете они выглядели чужими — длинные пальцы с вьёвшимися в поры следами краски, сеть голубоватых вен, мелкая дрожь. Руки художника, которые ещё вчера создавали миры на холсте, а сегодня стали инструментом для фиксации собственного угасания. Он сжал их в кулаки, и это движение тоже было механическим, лишённым ярости или протеста. Просто проверка моторных функций. «Я есть. Я двигаюсь. Следовательно, я существую». Но существовал ли он? Декартовский силлогизм, этот последний бастион рационализма, трещал по швам. Мыслящая субстанция истончалась, и вместе с ней истончалось и само бытие.

Он двинулся дальше. Указатель «Поселок Лесной — 3 км» остался позади, поглощённый темнотой, но направление было выбрано верно. Алексей не знал, почему идёт именно туда. В его опустошённом разуме не осталось места для интуиции, остался лишь холодный расчёт, основанный на обрывочных данных. Когда он увидел это название на дорожном знаке, в глубине памяти шевельнулась какая-то тень — не воспоминание, а, скорее, его эхо, указатель на файл, который ещё не был стёрт. Лесной. Это слово было связано с Катей. С тем временем, когда боль ещё не пропитала каждую клетку его существа, а вина не выгрызла сердцевину души. С тем временем, которое теперь, после первого мазка, перестало болеть, а после второго — почти перестало существовать. Но факты, голая информация, ещё держались. Он помнил, что они с Катей провели здесь несколько дней в первый год совместной жизни. Помнил старый деревянный дом, снятый у какой-то молчаливой старухи, помнил скрип половиц, запах сушёных трав и земляники, помнил её смех, отражённый от низких потолков. Помнил. Но не чувствовал. Это было похоже на чтение чужого дневника: увлекательно, информативно, но не более.

И всё же он шёл. Потому что это был единственный ориентир в расплывающейся карте его внутреннего мира. Если двойник методично стирает его личность, то, возможно, те фрагменты прошлого, которые ещё не тронуты, могут стать островками безопасности, якорями, за которые можно зацепиться. Или, напротив, это была ловушка, умело расставленная его мучителем: загнать жертву в место, наполненное воспоминаниями, чтобы именно там, в кульмина-

ционный момент, нанести самый болезненный, самый разрушительный удар. Лишить не просто эмоций, а самой памяти о счастье. Стереть не боль, а её причину, оставив лишь пустоту. Алексей понимал это. Его холодный, лишённый иллюзий разум просчитывал такой вариант как наиболее вероятный. Но выбора не было. Сопротивление требует хотя бы понимания правил игры, а для этого нужно встретиться с противником на его территории. Или на своей собственной — границы уже давно стёрлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.